

Думається, не випадково, «надаючи важливе значення збереженню культурної спадщини, віддаючи данину видатним діячам науки і культури – представникам народів Криму», правління Кримського фонду культури 21 грудня 1990 р. заснувало премії імені Іллі Казаса – за внесок у галузі освіти, тюркології та історії караїмського народу; й імені Ісмаїла Гаспринського – за кращий твір, дослідження в області кримськотатарської літератури [16, С. 5]. Цей факт знаменний. Два сини споріднених тюркських народів дали ім'я преміям, направлений на відродження і розвиток національної культури й освіти.

Джерела та література:

1. Бараш Я. Педагог, просветитель, поэт. Илья Ильич Казас (1833-1912) / Я. Бараш // Их именами названы. – Симферополь : АНООНК, 1997. – С. 23-25. – (Неизвестный Крым. История в лицах).
2. Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период / подг. А. Н. Кононов. – 2-е изд., перераб. – М. : Наука; Гл. ред. восточ. л-ры, 1989. – 298 с.
3. В одном из номеров // Таврида. – 1880. – № 19.
4. Все тот же. Нам пишут. Из Бахчисарая // Таврида. – 1881. – № 3.
5. Ганкевич В. Ю. Очерки истории крымскотатарского народного образования. Реформирование этноконфессиональных учебных заведений в Таврической губернии в XIX–начале XX века / В. Ю. Ганкевич. – Симферополь : Таврия, 1998. – 162 с.
6. Ганкевич В. Ю. Размышления Маленького муллы из Бахчисарая стали известны нам через 116 лет / В. Ю. Ганкевич // Голос Крыма. – 1997. – № 12.
7. Гаспринський І. Бахчисарайські листи / І. Гаспринський; за ред. І. Казаса // Таврида. – 1881. – № 1.
8. Гаспринский И. И. И. Казасу / И. Гаспринский // Терджиман. – 1905. – № 101.
9. Герман В. Нам пишут. Из Бахчисарая / В. Герман // Таврида. – 1880. – № 19.
10. Динікова Л. Ш. Кримськотатарська преса. Книга і преса в контексті культурно-історичного розвитку українського суспільства / Л. Динікова // Зб. наук. праць кафедри видав. справи і редак. УАД / відп. ред. Н. В. Зелінська. – Львів, 2011. – Вип. 4. – С. 367-375.
11. Казас И. И. Русский букварь для татарских народных училищ / И. И. Казас. – Казань, 1900.
12. Маленький Мулла [И. Гаспринский]. Бахчисарайские письма / Маленький Мулла // Таврида. – 1880. – № 9; 1881. – № 5, 7.
13. Приступая к изданию нашей газеты // Терджиман. – 1883. – № 1.
14. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 773. – Оп. 171. – Д. 533. – Л. 1-2 (об).
15. Редакция русско-татрской газеты «Переводчик» // Ялта. – 1895. – № 27.
16. Решение правления Крымского фонда культуры // Их именами названы. – Симферополь, 1991. – (Неизвестный Крым. История в лицах).
17. Свод законов Российской империи : т. 11, ч. 1. – СПб., 1893. – С. 2601.
18. Татарин. К вопросу об образовании крымских татар / Татарин // Таврида. – 1880. – № 19.
19. Филимонов С. Н. Хранители исторической памяти Крыма / С. Н. Филимонов. – Симферополь : ЧерноморПРЕСС, 1996. – 316 с.

Кочнова О.А.

УДК 170 +240

ФЕНОМЕН СЧАСТЬЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ХРИСТИАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Проблема поиска счастья, его определения, выявления основных признаков и качественных показателей этого явления существует ровно столько, сколько существует человек. Трактовки понятия счастья разнятся у разных ученых, совершенно по – иному представлены в многочисленных философских системах, в основополагающих догмах религиозных верований. Состояние счастья не только описывается по – разному, но и наделяется им человек либо в земной, либо в загробной жизни. На объяснение понятия счастья накладывают отпечаток традиции и обычаи, ментальные характеристики того или иного народа. Проблематика счастья несет на себе отпечаток времен и эпох. Счастье представляет собой многогранное понятие, отражающее культурные, психологические, экономические, социальные доминанты, господствующие или преобладающие в каждом конкретном сообществе. Задача настоящего исследования – рассмотреть концепт счастья через призму отечественной христианской культуры.

Аристипп Киренский, один из учеников Сократа, был склонен отождествлять счастье с наслаждением (гр. ἡδονῆ, отсюда гедонизм). Наслаждение рассматривалась древнегреческим философом как единственно истинное благо и настоящая цель человеческой жизни. При этом все, что не доставляло человеку радости, подлежало исключению из человеческой жизни. В том числе и сама жизнь. Один из учеников Аристиппа – Гегесий, получил среди современников мрачное прозвище «Учитель смерти» за пропаганду самоубийства, как способа спасения от недостойной жизни. Афинский философ Эпикур делает ударение на таких разновидностях человеческого наслаждения, которые преимущественно имеют духовный характер. Среди них эпикурейцы признавали лишь те, что вели к счастью без телесных страданий и душевных мук. Более чем за два тысячелетия, что минули со времен Эпикура, было высказано множество взглядов на природу человеческого счастья. Подытоживая их, польский историк Вл. Татаркевич (1886-1980) указывает на четыре основных подхода к проблеме счастья. Во-первых, как нечто объективное, счастливая доля (в украинском языке это выражено словами – комуś щастить). Во-вторых, как чисто внутреннее

психологическое состояние сильной радости, блаженства (катарсис). В-третьих, в общефилософском аспекте – счастье, как обладание высшими благами жизни (эвдемония). В-четвертых, счастье, как субъективная моральная реакция на обладание этими благами. Последнее понимание счастья наиболее близко каждому человеку [3, с.211].

По актуальности, важности, значимости, необходимости процесс определения и поиска счастья, его обретения является вечно новым и востребованным в каждом новом поколении, в каждом этносе, в каждом социальном сословии, для каждой личности, независимо от ее происхождения и жизненных ориентиров. В определениях таких понятий, как счастье, мудрость, справедливость, красота всегда отражается мировоззрение тех, кто сформировал это понятие, передаваясь сквозь времена, оно дополняется духом исторических эпох, традиций и обычаев. Исходя из этого, можно предположить, что у разных народов формируются разные определения одного и того же понятия, в одной культуре оно может доминировать, а в другой заменяться комплексом других понятий. Следовательно, и понятие счастья в отечественной православной традиции имеет особенные, глубоко религиозно – национальные черты, которые и формируют его определение. В связи с вышеизложенными фактами, цель данного исследования – в рамках научной статьи рассмотреть феномен счастья через призму отечественной христианской культуры.

Счастье – это, прежде всего, особое психофизиологическое состояние, это мироощущение личности, тот внутренний духовный мир, в котором она живет, характеризующийся радостью бытия, гармонией чувств и мыслей, благополучием и чувством удовлетворенности от прожитого, сделанного, сказанного [2]. Однако попытка наделить состояние счастья набором характерных черт, во-первых, затруднительна, так как каждый имеет на этот счет свои идеальные представления, и, во-вторых, сведение счастья к сумме данных характеристик обедняет это понятие. Интуитивно, человек определяет, что счастье несравнимо больше, важнее, глубже, нежели радость и умиротворение. Попытаемся воспринимать счастье как некую ауру, окружающую человека, капсулу в которой он живет. Важным и особенно существенным в понимании счастья для православного является осознание внутренней природы счастья. Счастье всегда внутри человека, оно в его душе. Именно поэтому отвергается православной традицией отождествление счастья с внешними обстоятельствами, зачастую материального характера, столь распространенные в западной культуре. Счастье для православного христианина изначально невозможно определить комплексом экономических и социальных мер, как, например, хорошо оплачиваемая работа, возможность карьерного роста, оптимальное положение в социуме. В настоящее время картина несколько меняется, особенно в крупных городах, но менталитет остается неизменным. Здесь на первый план выходят скорее философские константы: красота, творческий потенциал, широта души, постоянный нравственный поиск. При определении счастья как состояния следует отметить, что вообще достижению какого-либо состояния предшествует фаза действий, его обуславливает ряд факторов, предпосылок. В качестве подобных предпосылок и могут выступать радость, удача, гармония, покой – как эмоции, или достаток – как материальная составляющая. И процесс действия, совершения чего – либо в данном случае воплощается в процессе поиска счастья. Проблема поиска счастья порой является центральной, системообразующей в жизни личности. На разных жизненных этапах счастье ассоциируется (или неверно подменяется) теми самыми внешними факторами состояния счастья (материальное благополучие, состояние комфорта и т.д.) и формирует желания, мечты личности, оформляется в жизненные цели. Человек прилагает усилия для достижения этих целей, объединенных идеей достижения счастья. Так, в течение жизни, передвигаясь от цели к цели в поиске счастья, иногда он сталкивается с осознанием того, что состояние счастья, полета души, единения со всей Вселенной, о котором написаны сотни поэтических строк, не прожито, не прочувствовано. Именно такой вариант, когда переживание счастья откладывается на потом, делает счастье и его достижение эфемерными. Но проблема поиска счастья имеет и другую более позитивную сторону – ожидание и предвкушение счастья. Это означает постоянное самосовершенствование личности в движении к счастью. Кроме того, его ожидание позволяет мысленно моделировать состояние будущего, энергетически приближать период счастливого состояния. В проблеме поиска счастья ярко вырисовываются два момента: счастье в будущем и движение к нему в настоящем. Это упоминание времен является важной характеристикой понятия счастья. Причем в данной временной характеристике главную роль должно играть настоящее время. Счастье – это сейчас. Осознание пребывания в счастливом состоянии сейчас снимает элемент несбыточности, недостижимости счастья. Таким образом, мы приходим к выводу, что состояние счастья возможно внутри и сейчас. Это своеобразная канва, основа на которую каждый человек накладывает те эмоции, качества, события, которые он отождествляет со счастьем. Подтверждением вывода о том, что счастье является состоянием, может служить следующее. Индивид не может на протяжении всей жизни испытывать раз и навсегда определенный набор эмоций, в течение жизни у него меняются идеалы, ценности, ориентиры, следовательно, на каждом новом этапе жизни счастье воспринимается и определяется по-разному. Фактически же, человек подсознательно отождествляет свое сиюминутное состояние с состоянием счастья, ибо он способен давать характеристика типа: «Тогда я был счастлив», «Сегодня я самый счастливый человек на свете». Подобные эмоциональные переживания и есть не что иное, как восприятие состояния счастья. Здесь присутствует временная характеристика, подтверждающая, что счастье возможно сейчас, в настоящем времени. Определив основные характеристики понятия счастья, попытаемся выяснить какие же эмоции, качества или идеи вкладывает человек в это понятие. Выше уже говорилось, что оно воспринимается как некое идеальное и часто недостижимое состояние, а вопрос «Что такое счастье?» ставит в тупик. Если несколько расширить спектр рассмотрения, не ограничивая его только определением понятия счастья, то мы столкнемся с парадоксальной вещью. Человек достаточно хорошо определяет понятие «несчастье». Для него это беды,

болезни, горе, неудачи, постигающие его в течение жизни. И если к тому же они повторяются с завидной частотой, то все силы и внимание концентрируются на них, и само протекание жизненного процесса определяется как несчастливая судьба, плохая доля. При изучении традиционного православного мировоззрения учеными была отмечена, идущая еще от славянских корней, особенность восприятия и оценивания мира и человека. В данном контексте все составляющие материального и духовного миров представлены как некие крайности какого – либо оценочного акта. Традиция подобного оценивания сохраняется в нашем сознании и по сей день, так как всем знакомы утверждения: доля-недоля, правда-кривда (неправда), счастье-несчастье. При осмыслении этих противоположностей мы сталкиваемся с тем, что при оценке любого положения вещей, определяем его как положительное или отрицательное. Попытка поиска середины в данном процессе приводит к неточности, неопределенности, размытости оценивания, что в принципе не характерно для славянского характера. А вот способность переходить из крайности в крайность не раз отмечалась исследователями («Или пан, или пропал»). Возвращаясь к определению счастья, предположим, что если несчастье определяется как беда, неудача или болезнь, то счастье должно восприниматься как противоположность: радостное существование, гармония, здоровье, удача. И извлекая из этой системы счастья-несчастья промежуточную, серединную стадию, можно предположить, что при отсутствии у человека характерных для несчастья черт, он пребывает в состоянии счастливого бытия. Естественно, что данный логический вывод может восприниматься как грубый и односложный, что жизненные ситуации не так просты и не могут быть ограничены рамками такого простого предположения. Однако, по большому счету, такое восприятие счастья, во-первых, снимает проблему недостижимости счастья, во-вторых, - это смена мировоззрения, направление его в позитивную сторону, осознание, что главное в счастье – это его наличие в настоящий момент. Подобное восприятие означает возможность для человека с наиболее продуктивным результатом двигаться к достижению жизненных целей. В определении понятия счастья важен и аксиологический аспект рассматриваемого явления. Состояние счастья, его достижение является собой счастье как ценность. Восприятие состояния счастья как ценности происходит потому, что обретение, поиск счастья в сознании человека ассоциируется с длительным периодом ожидания и совершения определенных действий, а также с неустойчивостью этого состояния. Счастье есть ценность уже от того, что в сознании народа оно сопряжено с надеждой на лучшее, на достижение того, чего нет, будь то удача, здоровье, благополучие. Если принять в качестве синонима или определения счастья гармонию, то совершенно естественно, что достижение гармонии после периода неуравновешенного, смутного бытия воспринимается как благо, как награда за страдания и возможность нового существования. Счастье всегда носило характер сакрального. Его обретение не было простым результатом определенной суммы действий. Счастливый человек был отмечен рукою судьбы, это расценивалось как своего рода благословение, которое несло за собой и долю ответственности. Такая благосклонность судьбы в сознании человека всегда ассоциировалась со священностью дара счастья, который необходимо было оберегать от недоброго посягательства. Именно от характера священности счастья берет свои начала традиция тщательного сокрытия человеком своего благополучия. Открыть тайну своего счастливого бытия для других, показать, что удача улыбнулась, означало для человека прервать ту священную нить, которая связала человека с доброй судьбой. Удача и благополучие одного для другого выявляет их отсутствие и вызывает злобу и зависть. Распространение негативной ауры всегда в таких случаях будет означать утрату созданного состоянием счастья положительного влияния. Данный элемент сакральности счастья в сознании человека отождествляется еще и с необходимостью готовить себя к этому состоянию. Совершенно понятно, что судьба наделяет даром тех, кто способен его принять, кто сможет выдержать его бремя. Счастье выступает как награда за труд, за способность жить по совести и чести, за веру и надежду. Ярким примером тому могут служить народные пословицы и поговорки – как настоящий источник народной мудрости – «Счастье без ума – дырявая сума: где найдешь, там и сгубишь», «Счастье у каждого под мозолями лежит», «Счастье скоро покидает, а добрая надежда никогда».

Если мы обратимся к христианским вероисточникам, то можем отметить следующее: понятие «счастье» очень редко встречается в священном Писании, в Новом Завете – ни разу. Это слово слишком произвольное, не точное, само по себе ничего не значащее. Вместо него Святое Писание употребляет другое слово – радость. О радости говорит Христос: «Моя радость в вас пребудет, и радость ваша будет совершенна...» – указывая и на источник этой радости: «Если заповеди Мои соблюдете, пребудете в любви Моей, как и Я соблюл заповеди Отца Моего и пребываю в Его любви» (Ин. 15:10-11). Таким образом, источник христианской радости – Бог. Это совершенно ясно подтверждает и святой апостол Павел, говоря: «Царство Божие – не пища и питье, но праведность, и мир, и радость во Святом Духе» (Рим. 16:22). «И радости этой никто не отнимет» (Ин. 16:22). Однако Христос совсем не обещал райского блаженства. Очень часто из уст Христовых звучит страшное предостережение: «будет плач и скрежет зубов» (Мф. 24:51), «идите от Меня проклятия в огонь вечный, уготованный дьяволу и ангелам его» (Мф. 25:41), «пойдут сии в муку вечную» (Мф. 25:46).

И, тем не менее, радость христианская существует. Она ярко сияет с каждой строки житий мучеников, подвижников и тихо светится в жизни иноков, в жизни христианских семейств. Собственно, только она одна заслуживает по-настоящему этого названия. И чем выше духовное развитие человека, тем ярче и совершеннее его радость. Эта радость, эта светлость мировоззрения не покидала первых христиан и среди мук, и у порога смерти. Суть этой радости в животворной вере в Бога [1].

Такое христианское восприятие счастья-радости и объясняет в целом отношение к этим понятиям в отечественной православной культуре.

Источники и литература:

1. Біблія. – Helsinki : by Lansi-Savo Oy; St. Michel Print. – 292 с.
2. Лапухина М. В. Трактование счастья в русской культурной традиции : [Электронный ресурс] / М. В. Лапухина // Аналитика культурологии. – Режим доступа : <http://analiculturolog.ru/>
3. Малахов В. Етика / В. Малахов. – К. : Либідь, 2006. – 383 с.

Макар О.Р.**УДК 37.036****МАСОВА КУЛЬТУРА ТА ЕСТЕТИЧНИЙ СМАК**

Постановка проблеми у загальному вигляді та її зв'язок із важливими науковими та практичними завданнями.

Масова культура – складний соціально–культурний феномен, що характеризує низку кризових явищ сучасного суспільства. Явище масової культури – закономірний прояв змасовлення всіх сфер суспільного життя. Про специфічні кризові фактори, які супроводжують розвиток сучасного соціуму, західні дослідники почали говорити ще на початку ХХ століття, а вітчизняні вчені – філософи, соціологи і культурологи – трактували подібні явища як «прояв кризи буржуазної свідомості».

Масова культура залишається мало дослідженим феноменом з точки зору загальної теорії культури. Проблема масової культури та естетичного смаку неоднозначна, іноді заплутана. Відомі культурні явища, що відносяться до масової культури, потребують перегляду на новому рівні, що відповідає сучасній соціокультурній реальності.

Сьогодні феномен масової культури та масового смаку, проблема протиставлення масового та елітарного, набирає дедалі більшої актуальності. Масовий смак формує естетичну домінуючу панівної культури, що в поєднанні з іншими рисами сучасного соціально–культурного простору, дає змогу говорити про «системну соціально–культурну кризу сучасності».

Аналіз останніх досліджень і публікацій.

Проблема масової культури знайшла відображення у значному науковому доробку відомих вчених: Ашин Г.К., Гершкович З.І., Голенпольський Т.Г., Глазичев В.Л., Засурський Я.М., Карцева О.М., Кукаркін А.В., Котельова Г.І., Мулярчик А.С., Семенов Ю.М., Стрельцов М.М., Шестаков В.П., Яранцева Н.А.

Значний вплив мали ідеї української школи філософії культури та естетики: Бистрицького Є.К., Бичко А.К., Кримського С.Б., Кучерюка Д.Ю., Левчук Л.Т., Мазепи В.І., Шевченка О.К. тощо.

Серед зарубіжних вчених, які досліджували питання масової культури слід виділити: Белла Д., Богарта Л., Лазарфельда П., Ловенталя Л., Макдональда Д., Моравія А., Розенберга Б., Е. ван ден Хаага, Уайта Д., Шилза Е., Маркузе Г., Морена Е., Тофлера О., Фрідмана Ж., Хоггарта Р., Еліота Т., Еко У., Маклюєна М. тощо.

Питанням дослідження проблеми естетичного смаку в науці приділяли увагу вітчизняні і зарубіжні вчені, серед яких слід виділити: Адорно Т., Белл Д., Бодрійяр Ж., Борисов С. В., Вельш В., Горностаєва М., Джеймсон Ф., Домбровська Т. І., Екеланд Ж., Иванов Д., Калашник Н. Г., Камінський А., Коган Л. Н., Козловський П., Люгар Ж.Ф., Лосев А. Ф., Малахов В. С., Маньковська Н.Б., Павлова О.Ю., Пирколліса А., Привалова І.В., Разумний В. А., Розенберг Б., Салтиков А., Сілічев Д.А., Сонтаг С., Старовойт І., Строева Л., Томпсон Ж., Тоффлер Е., Хоркхаймер М., Шестаков В. П., Якобс Н. та інші.

В статті було використано праці відомих авторів і науковців: Ашин Г. К., Бодлер Ш., Галушко Р. І., Горностаєва М. В., Гундорова Т. І., Ільїн А. Н., Козловський П., Лебон Г., Ортега–і–Гасет Х., Сорокін П. А., Тард Г., Тургенева О. Ю., Філімонова О. Ф., Фромм Е., Хайдеггер М., Хевеши М. А. тощо.

Формування цілей статті (постановка завдання). Мета статті полягає в тому, щоб, спираючись на аналіз найбільш характерних праць в філософії та культурології, розглянути масову культуру в контексті її взаємодії з естетичним смаком, її вплив на естетичний смак, дослідити феномен масової культури та зв'язок з естетичним смаком.

Об'єктом дослідження є два взаємопов'язаних явища – масова культура і естетичний смак, які доповнюють і розвивають один одного в суспільній культурі людства, що особливо характерно для ХІХ–ХХІ століття.

Мета дослідження визначила такі завдання роботи:

1. Проаналізувати основні концепції осмислення феномену масової культури і масового смаку сучасності.
2. Дослідити зв'язок масової культури і естетичного смаку.
3. Визначити зразки масової та елітарної культури (відповідно естетичний смак і несмак).
4. Окреслити питання зниження культурних зразків, які через засоби трансляції впливають на естетичний смак усіх верств суспільства.
5. Виявити тенденції, притаманні розвитку масової культури в ХІХ–ХХІ сторіччі.

Виклад основного матеріалу дослідження з повним обґрунтуванням отриманих наукових результатів. Як пише О.Ю.Тургенева, «сучасна людина опиняється в ситуації духовно–психологічної невдоволеності, глобальної відчуженості, «культурного шоку», «змасовлення суспільства», знецінення цінностей, соціальної аномії, засилля «перетворених форм», «симулякрів» тощо, закономірними наслідками яких є криза соціальної ідентичності та адаптації»; наш сучасник живе у «зnelюдненому світі «панівної культури», заснованої на приматі споживацтва й уніфікації [16, с.19].